



Деньги

Александр Моисеевич Атабекян

1919

В ряду общественных служб, присвоенных государственной властью, так называемое эмиссионное право, т.е. исключительное право на выпуск денежных знаков, занимает не последнее место; между тем анархисты обыкновенно или обходят молчанием этот важный вопрос, или же разрешают наивным „упразднением денег“.

Уже на очень отдаленных ступенях цивилизации слитки ценных металлов — первообраз звонкой монеты — заменили натуральный товарообмен. В дальнейшем люди убедились, что и в звонкой монете нет надобности, достаточны письменные обязательства, основанные на доверии, т.е. векселя и чеки.

„Деньги, это — миф“, говорит Кропоткин шутя в приятельской беседе. Он долгие годы жил в Англии и почти не видел денег, кроме мелкой монеты. Труд его вознаграждался чеками, чеками же он расплачивался с поставщиками продуктов и за квартиру. Денежные знаки надобились лишь для самых мелких и случайных расходов.

Векселя и передаточные векселя (чеки на предъявителя) применялись с самых древних времен. Государственная

Александр Моисеевич Атабекян
Деньги
1919

Скопированно 24 июля 2018 из
<http://oldcancer.narod.ru/Atabekian/P/19-1.htm#4>

ru.theanarchistlibrary.org

власть присвоила монополию как на чеканку звонкой монеты, так и выпуска особых привилегированных векселей, — кредитных знаков, — для эксплуатации народа самым беззастенчивым образом, доходящим до прямой фальсификации.

В Персии, где в ходу серебряная и золотая монета разных царствований, стоимость их определяется не номиналом, а действительной ценностью металла.

А разве мелкая серебряная монета царского режима — серебряная более по названию — представляла из себя товарную ценность?

Разве западно-европейская никелевая и даже серебряная монета соответствуют своей действительной себестоимости?

Но поразительной степени достигает обман и обирание населения в „цивилизованных“ государствах при выпуске государственных кредитных знаков.

Кредитное доверие к государственной власти у всех народов очень относительно, а потому курс кредиток во всех странах колеблется. До каких крайних пределов может пасть доверие к государственной власти, мы это испытываем теперь на разных территориях расчлененной России независимо от их политического режима.

Понижение курса тяжело отражается на широких слоях населения, главным образом при оплате труда. Дороговизна не есть общее повышение стоимости продуктов и предметов потребления, а понижение ценности денег. На этой почве, судя по отрывочным казенным сведениям, в Западной Европе происходят волнения. Россия все сносит, ко всему ее приучила столь желанная для многих „твердая власть“.

Власть на деле всем доказала, что деньги — фикция.

Но фикция лишь в материальном отношении, в действительности — необходимая, очень полезная ценность в моральном, как знаки взаимного доверия.

Любопытно отметить на практическом примере опровержение предрассудка, будто доверием в эмиссионно-финансовом отношении должна пользоваться лишь государственная власть. В Персии выпуск кредитных знаков находится в руках частной английской акционерной компании под громким, но лживым названием „Императорский Банк Персии“.

Не уместно ли задать вопрос: если частная акционерная компания может пользоваться привилегией на эмиссию кредитных знаков в обширной стране с многомиллионным населением, то не правильно ли было бы изъять эмиссионное право из рук как партийных *правительств*, так и частных предпринимателей, и передать это право широким хозяйственным объединениям населения — кооперации?

Не заслуживает ли кооперация большего доверия, чем государственная власть, эта разоблаченная уголовная преступница, систематично фальсифицирующая деньги—товар и деньги—доверие?